

полития

Н.Н.Тинус

ПРОЦЕСС И ОТНОШЕНИЕ: ИСТОКИ АВТОНОМИСТСКОЙ ТЕОРИИ ИНДИВИДУАЦИИ¹

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00100).

Никита Николаевич Тинус — аспирант Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета. Для связи с автором: tiinusnn@gmail.com.

Аннотация. Любая политическая теория строится на фундаменте определенной онтологии, неотъемлемой частью которого является проблема индивидуального. На протяжении долгого времени онтологическое первенство в европейской мысли было закреплено за концепцией индивида, понятого каквершенная и самодостаточная единица. Сегодня, однако, можно говорить об актуализации подхода, в рамках которого индивид рассматривается как отнесенная реальность, находящаяся в состоянии непрерывного становления, то есть индивидуации. Этот подход развивается итальянскими интеллектуалами, общий идеологический ракурс которых известен под именем автономизма (П.Вирно, М.Лаззарато, А.Негри и др.). В статье исследуются истоки теории индивидуации и ее политические импликации в автономистской мысли.

В первой части рассматриваются способы репрезентации индивида в онтологиях Б.Спинозы и Ж.Симондона. Автор демонстрирует, что предложенное этими философами процессуальное и релятивное понимание индивида способствует преодолению разрыва между коллективным и индивидуальным не только в политике, но и в мышлении. Индивид является следствием конкретизации общего и сохраняет с ним связь.

Во второй части анализируются психологический и языковой аспекты индивидуации, раскрытые в психологии Л.Выготского и философии диалога М.Бахтина. Индивидуация разворачивается здесь как движение от социального к индивидуальному, осуществляемое с помощью орудий, в первую очередь средств языка. Дается оценка рецепции идей указанных мыслителей в контексте автономизма.

По заключению автора, автономистская концепция индивидуации представляет собой синтетическую теорию, сводящую общие аспекты рассмотренных учений в единую перспективу. Фактически речь идет о масштабной ревизии онтологических и антропологических оснований мышления о политике. Ее цель — разрушение идеи «суверенного индивида», порожденной либеральной традицией, и, как следствие, освобождение сферы общего из-под контроля капитала.

Ключевые слова: индивидуация, индивид, автономизм, политическая философия, Жильбер Симондон, Лев Выготский, Паоло Вирно

Введение

Нет такой политической теории, которая хотя бы имплицитно не содержала в качестве своей предпосылки некое представление об отношении индивида и общества. В этой паре, как правило, одно приобретает форму данности и объясняется через другое. Так, либеральная мысль имеет дело с индивидами — «частными лицами», автономными источниками интересов, сумма которых составляет социум. Не реже можно встретить и другую позицию, согласно которой индивид есть производная от общества (взгляд, где индивид оказывается эффектом социальной целостности à la Эмиль Дюркгейм, часто фигурирует в социал-демократическом дискурсе). Эти две контрарные установки, которые Этьен Балибар именуется «индивидуализмом» и «холизмом/органицизмом»², образуют дилемму, которая все еще проблематизируется в современной науке³. Важно заметить, что «индивидуализм» и «холизм» формируются в рамках сходных понятий и представляют собой варианты разрешения напряженного противостояния между индивидом и обществом. Это противостояние, выраженное в таких парах терминов, как «частное»—«публичное», «личность»—«общество», «индивидуальное»—«коллективное», генетически связано с традицией философского дуализма, где столкновение двух разнородных начал является главным инструментом объяснения реальности.

Сегодня, однако, можно говорить о широком развитии подхода, который бросает вызов привычному способу мышления, реформируя представление об индивиде и рассматривая его как результат особого *процесса индивидуации*. В политической теории этот подход актуализируется в работах итальянских интеллектуалов, общий теоретический ракурс которых известен под именем автономизма. Один из самых ярких представителей этого направления Паоло Вирно предлагает отбросить пресловутый концепт «народа», в рамках которого индивиды предстают как «солипсические частицы», испытывающие нужду в учреждении общего, в трансцендентном единстве. Взамен он реанимирует понятие «множество», переворачивая социальную онтологию «народа», — индивид становится следствием общего, которое уже дано в способностях вида, языке и производственных отношениях. Это значит, что «Единое не является больше посулом, но становится предпосылкой. Единство не является больше некоей точкой (Государством, сувереном), притягивающей к себе все вещи, как это происходит в случае с народом, но становится скорее чем-то таким, что можно оставить позади в качестве фона или допущения. Многие должны мыслиться как индивидуация универсального, родового, разделяемого»⁴.

Другой крупный мыслитель той же генерации, что и Вирно, Антонио Негри еще более яростно критикует метафизику индивидуальности и ее последствия в виде новоевропейских концепций народа

² Balibar 1997: 6.

³ В основном предполагается простое совмещение или чередование указанных подходов (см. Каримова 2014).

⁴ Вирно 2015: 17.

и суверенитета. Для Негри эта метафизика есть не более чем «жуткая мистификация», внушающая, будто индивид одинок, а если он и заключает социальный контракт, то только ради сохранения собственной автономии. На самом же деле вне отношения к другому индивиду не существует, а значит, для него «нет ничего, кроме отношения и процесса»⁵.

⁵ Негри 2018: 212—213.

Индивидуация в бытии: Спиноза и Симондон

Такое понимание индивида имеет глубокие корни в европейской мысли, хотя они и оставались в тени на протяжении долгих лет. После того как в 1960-х годах во Франции начался «спинозистский ренессанс»⁶ и «Этику» и другие трактаты голландского философа перечитали заново в контексте времени, был извлечен на свет и этот взгляд на индивида. Монистическая онтология Бенедикта Спинозы определяет индивида как конкретную связность множества движущихся тел, частную конфигурацию в бесконечном мире разнообразных связей. Сущность любого индивида задана формой сцепления составляющих его тел, которая стремится сохраниться (*conatus*) в условиях непрерывного изменения окружающей ее материи. При этом каждый индивид постоянно трансформируется и может быть рассмотрен как часть более крупного и широкого индивида с более устойчивой структурой. Все это в полной мере касается и человека. Как резюмирует Чарльз Вульф в своей статье о «социальном мозге» (*social brain*), «Спиноза помещает человека в мир отношений; быть человеком на самом деле не что иное, как быть конкретным пересечением в гигантской вселенной отношений <...> Индивид — это некий квант стремления и, следовательно, определенная связь между различными точками в общей каузальной сети»⁷.

⁶ См. Винчигуэрра 2007.

⁷ Wolfe 2010: 190.

Важно учитывать, что в период возрождения интереса к Спинозе фокус внимания существенно сместился — если прежде исследования были сосредоточены на первых трех частях «Этики», то теперь онтология стала рассматриваться как введение в антропологию аффектов и политическое учение «Богословско-политического трактата» и «Политического трактата». Эта оптика позволила выявить некоторые важные следствия, вытекающие из философии Спинозы. В первую очередь речь идет о принципиальной вторичности индивида и первичности процесса индивидуации, который в соответствии с концепцией всеобщей имманентной причинности описан у голландского мыслителя терминами «(воз)действие»/«существование»⁸. Взаимность и обмен лежат в основе индивидуальности, а значит, приращение связей укрепляет индивида в его бытии (расширяя его мощь, или право). В области политической теории это означает решающую роль аффектов, понятых не как свойства, а как отношения, ткань которых «связывает индивидов и конституирует их в качестве таковых»⁹. Тем самым разные политические режимы оказываются разными режимами производства индивидов или, другими словами, разными режимами производства аффектов, задающими как формы социальности, так и формы психики.

⁸ В философии Спинозы существование напрямую соответствует действию (см., напр. Майданский 2007).

⁹ Морфино 2010: 194.

Нетрудно заметить, что эти следствия выходят за рамки традиционного западного здравого смысла, который во многом базируется на либеральной точке зрения с характерным для нее противостоянием между индивидом и обществом. Но Спиноза доказывает, что коллективная организация общества не ограничивает, а увеличивает власть (*potentia*) индивида, равно как автономизация индивидов, расширение их свободы не рассеивают, а упрочняют верховную власть (*imperium*). Это не единственный пункт, в котором онтологическая реформа Спинозы преодолевает разрывы и антитезы господствующей традиции. Стремясь зафиксировать оригинальность учения Спинозы, Балибар указывает на несовершенство существующего понятийного аппарата, позволяющего дать этому учению лишь негативные определения, описывая его как доктрину, «которая не является ни индивидуалистской, ни холистской, как не является механицистской или финалистской»¹⁰. Отказ от абстрактных оппозиций и всякого рода дуализмов в «реляционной онтологии» Спинозы, полагает он, достигается с помощью «удивительной логики совпадения противоположностей»¹¹. В итоге Балибар находит понятие, способное позитивно обозначить эту логику, — «трансиндивидуальность».

¹⁰ *Balibar 1997: 11.*

¹¹ *Ibidem.*

Концепт трансиндивидуальности принадлежит философии Жильбера Симондона, выдающегося ученика Мориса Мерло-Понти, чьи научные заслуги все еще не получили должной оценки. Упрощенно суть трансиндивидуального передает следующее определение: «это название метаустойчивой системы, создающей возможность для психической и коллективной индивидуации; это ткань отношений, которая пронизывает и конституирует индивидов и общество, методологически запрещающая субстанциализацию и первых, и второго»¹². Конечно, это определение требует пояснений. Для этого нужно рассмотреть учение об индивиде, предложенное французским мыслителем.

¹² *Морфино 2010: 190.*

Согласно Симондону, в европейской метафизике изначально был совершен ряд фундаментальных ошибок, которые послужили развитию совершенно определенной философии индивида, а также закрепились в мышлении и традиции в виде стойких иллюзий. Одним из ярких примеров такой иллюзии можно считать парадигму гилеморфизма, наложения на пассивную материю активной формы. Эта аристотелевская схема не имеет соответствий в реальном мире: *hyle* (ὑλη) на самом деле никогда не пассивна (о чем знает плотник, но упускает из виду философ), так же как неверно говорить о *morphe* (μορφή), которая просто накладывается на материю, не встречая сопротивления. Другой пример — атомистический субстанциализм, постулирующий существование вечных индивидов (атомов), которые уже даны и просто сталкиваются в результате случайной встречи, а потом рассеиваются. Оба варианта объединяет представление о наличии некоего принципа индивидуации, предшествующего самой индивидуации. «...Операция индивидуации должна не обеспечивать сам принцип, а только реализовывать его, — отмечает Симондон. — Поиск принципа индивидуации осуществляется

¹³ Simondon 2005:
24.

либо после индивидуации, либо до нее, в зависимости от того, является ли модель индивида физической (субстанциалистский атомизм) или технологической и витальной (гилеморфная схема)¹³. Так или иначе, сама операция индивидуации оказывается скрыта в «темной зоне» (*zone obscure*), превращаясь в то, что нужно объяснить задним числом, имея перед собой законченную вещь, а не тем, что в действительности может объяснять индивида.

С точки зрения Симондона, субстанциализм классической метафизики связан с тем, что древние знали только категории стабильности и нестабильности, покоя и движения. Но современная наука демонстрирует первостепенную важность *метастабильности* — квазиустойчивого равновесия, что открывает возможность построения новой онтологии. Для этого Симондон широко использует аппарат термодинамики, оптики, биологии процессов обучения и других отраслей науки. Бытие здесь выступает как напряженная, перенасыщенная система, нетождественная себе и находящаяся в постоянном кризисе и его разрешении. Метастабильное состояние, характерное для этой системы, подразумевает несообщающиеся порядки величин с разным уровнем потенциальной энергии, сохраняющиеся до тех пор, пока некая сингулярность, пусть даже самая незначительная, не нарушит хрупкого равновесия, запустив режим обмена между разными порядками. Этот процесс, развивающийся по аналогии с образованием кристаллов в природе, и есть индивидуация. Совершается фазовый переход, устанавливающий одновременность нескольких фаз и тем самым раздваивающий сущее на индивида и ассоциированную с ним среду. Индивидуация воспроизводится «трандуктивно». Разрешаясь в новой фазе, она не уничтожает при этом предыдущие, а как бы наслаивается на них — в качестве ассоциированной среды более сложным и менее завершенным категориям индивидов нужны пласты более стабильных и простых существ. Таким образом, индивидуация предстает в первую очередь как относительное разрешение некоторой проблемы. Относительное потому, что индивидуация разрешает проблему путем налаживания новых отношений, причем разрешает ее лишь частично — сформировавшийся индивид тут же сам становится фазой для следующих операций. Каждый индивид в этом случае может быть понят как «отношение отношений». В философии Симондона отношения оказываются реальным, подлинным бытием; они разворачиваются в ходе непрерывного становления, умножения опосредований. Однако нельзя говорить о том, что они первичны. Первично *доиндивидуальное*, где отношения и индивиды еще не реализовались: «индивидуация — это наступление момента бытия, который не является первичным. Он не только не первый, но и несет в себе определенную остаточность доиндивидуальной фазы; лишь доиндивидуальная фаза может быть названа действительно однофазной; на уровне индивидуализированного существа бытие уже обязательно многофазно, так как доиндивидуальное прошлое присутствует параллельно с наличием индивидуализированного существа

¹⁴ *Ibid.*: 310.

и остается зародышем новых операций развития; индивидуация вмешивается в бытие как коррелятивное рождение отдельных фаз от той фазы, которая не включала ни одной, будучи чистым и вездесущим потенциалом»¹⁴. Другими словами, любой индивид несет в себе некий заряд потенциальной энергии, того самого доиндивидуального, которое можно сравнить разве что с «апейроном» Анаксимандра. Соответственно, можно снова констатировать, что индивидуация относительна — она никогда не бывает полной, являясь сложным сочетанием конкретной уникальности и аморфной универсальности.

¹⁵ *Simondon 2007*.

Эта концепция индивидуации одинаково применима как к неорганическому, так и к живому миру. Единственное различие заключается в том, что если в чисто физическом индивидуация развивается мгновенно, квантово, то живое индивидуирует постоянно, оказываясь не просто результатом, но «театром индивидуации». Говоря о человеке, в первую очередь следует обозначить его как существо, индивидуирующее посредством изобретения психики и коллектива. Само название текста Симондона, посвященного этой проблематике, — «Индивидуация в психике и коллективе»¹⁵ — намекает на некий общий процесс, объединяющий оба феномена. Психика возникает как невозможность полностью конкретизировать себя, разрешить напряженное метастабильное состояние, обусловленное внутренней двойственностью индивидуализированного и доиндивидуального. Поскольку психика не может разрешиться на уровне отдельного существа, так как доиндивидуальное превышает его самого, возникает коллектив, представляющий собой соединение индивида и группы. Коллектив является развертыванием потенции самого индивида за пределы его первоначальных границ, его продолжением. Такую трактовку психосоциальной индивидуации и отражает понятие трансиндивидуального: «Индивидуация в форме коллектива делает индивида групповым индивидом, связанным с группой через доиндивидуальную реальность, которую он несет в себе и которая, будучи объединена с реальностью других индивидов, становится индивидуальной в коллективном единстве. Две индивидуации, психическая и коллективная, взаимны по отношению друг к другу; они позволяют определить категорию трансиндивидуального, которая нацелена на объяснение систематического единства внутренней (психической) индивидуации и индивидуации внешней (коллективной)»¹⁶.

¹⁶ *Simondon 2005*: 29.

Даже это краткое обсуждение, оставляющее за скобками широкий круг вопросов, затронутых Симондоном, дает представление о характере радикальной онтологической реформы в его работах. Привычные в гуманитарном знании подходы к индивиду оказываются слепыми. Так, если говорить о человеке, то психология и социология не могут адекватно его описать, субстантивирова соответствующие своему предмету крайние установки¹⁷. Человек должен быть рассмотрен в перспективе трансиндивидуального, то есть как существо, индивидуация которого проходит сквозь психику и общество, взаимно обуславливая эти две сферы.

¹⁷ *Правда, начиная с 1980-х годов появляются подходы, разделяющие основные интуиции Симондона. Такова, например, акторно-сетевая теория Бруно Латура, Мишеля Каллона и Джона Ло.*

Возвращаясь к определению Спинозы как философа трансиндивидуального, можно сразу отметить разительное сходство его построений с идеями Симондона. Спиноза отвергает понятие личности как изолированного индивида (что находит выражение в его политико-социальных рассуждениях и в критике антропологической концепции Бога). Он включает человека в природу, рассматривая всех индивидов в едином порядке сущего; определяет индивидов в первую очередь в процессуальном ключе, как производные отношений. Известное различие *natura naturata* и *natura naturans* также соответствует тому пониманию природы, состоящей одновременно из индивидов и отношений индивидуации, которое развивает французский философ. Но, несмотря на это, сам Симондон выступает в качестве критика Спинозы, упрекая его в том, что описанное в «Этике» бытие полностью стабильно и в действительности в нем существует только один индивид — Природа, или Субстанция¹⁸. Тем не менее сегодня многие исследователи делают упор прежде всего на общие моменты в философии двух мыслителей. Как иронически замечает Балибар, Симондон лишь пополнил собой длинный ряд интеллектуалов, отрицающих свой долг перед Спинозой¹⁹.

¹⁸ Фактически Симондон воспроизводит гегелевскую критику Спинозы. Подробный сравнительный анализ идей Спинозы и Симондона см. Read 2015: 123—130.

¹⁹ Balibar 1997: 10.

В рамках автономизма системы Спинозы и Симондона тоже интерпретируются в комплементарном ключе, формируя общую рамку реляционной процессуально ориентированной онтологии, призванной преодолеть ограничения классической европейской метафизики. Фактически автономисты используют эту рамку для анализа текущей политической реальности. Дополняя ее соображениями Карла Маркса о General intellect и общественном индивиде, они развивают взгляд на современную политику как на особый режим связи между производством субъективности и постфордистским капитализмом. Так, например, Вирно переносит эту онтологию на социально-политическую действительность, интерпретируя концепт доиндивидуального применительно к человеку как биолингвистические способности вида вкупе с производственными отношениями. Эта доиндивидуальная естественно-историческая реальность, которая выступает ключевым условием психосоциальной индивидуации, становится в развитом капитализме, с одной стороны, главной производительной силой, а с другой — предметом коммодификации и эксплуатации. Теории индивидуации Спинозы и Симондона дают концептуальный инструментарий для того, чтобы описать производящего и одновременно произведенного в этих условиях политического и экономического субъекта. Однако прежде чем переходить к этому тезису, следует рассмотреть идеи еще двух важных фигур — Льва Выготского и Михаила Бахтина.

**Индивидуация
в психике и языке:
Выготский и Бахтин**

Общепризнано, что учение Выготского перевернуло психологию в XX столетии. Его видение психики не было редуccionистским и оспаривало большинство влиятельных подходов — от бихевиоризма до фрейдизма. Не касаясь дискуссионных моментов, связанных с его

наследием, я лишь зафиксирую некоторые тезисы, ставшие впоследствии принципиальными для теории индивидуации.

Психология Выготского носит во многом спинозистский характер. С самого начала Выготский настаивал на преодолении декартовского психофизического дуализма, который выражался в типичном для современной ему науки жестком разделении сознания и поведения. Согласно его убеждению, «психики без поведения так же не существует, как и поведения без психики, потому хотя бы, что это одно и то же»²⁰. Ошибочно рассматривать психику как нечто потустороннее, оторванное от естественного порядка. Человек не «государство в государстве» по отношению к природе, вслед за Спинозой повторяет Выготский, — как и прочие существа, он следует ее законам. Из самого этого факта вытекает единство физического и психического. Главная беда дуалистической психологии заключается в неправильной постановке вопроса: вырывая отдельные стороны явлений, она не в состоянии определить их назначение, равно как и понять биологический смысл самой психики²¹. Для формирования продуктивного видения нужно согласиться с тем, что предмет психологии — это «целостный психофизиологический процесс»²². Только такой взгляд, сосредоточенный на психике в действии (а не просто на тех или иных ее структурах), способен привести к верным выводам. То есть психология призвана дать ответ на вопрос, как выглядит данный процесс.

Для Выготского специфика человеческого действия состоит в его *орудийности*. Если животное действует по формуле «стимул—реакция», то у человека в эту формулу вклинивается промежуточное звено, позволяющее овладеть ситуацией. Например, старая проблема буриданова осла может быть решена человеком с помощью жребия, искусственного стимула или иного *орудия*. Именно создание таких орудий лежит в основе культурного и исторического процесса. В своей статье о Выготском Мария Чехонадских емко резюмирует: «Биологический план как основа производства человеческого поведения остается прежним, но искусственные органы (орудия) преобразуют его функционально-операционную логику работы в окружающем мире и вводят новый исторический и культурный план развития — опосредованную социальную деятельность»²³. При этом способность опосредовать свою деятельность может быть выражена двояким образом — через создание орудий труда и через создание знаков. Если первые направлены на преобразование некоего объекта, то знак ничего не меняет в означиваемом объекте, а преобразует сам субъект в ходе коммуникации. Поначалу знак является инструментом связи с внешней средой. Но в процессе своего развития отношение, устанавливаемое знаком, интериоризуется индивидом, формируя мышление и речь. Классический пример, приводимый Выготским, — это развитие указательного жеста. Первоначально на неудавшееся хватательное движение реагирует родитель, помогая ребенку и тем самым внося определенный смысл в его действие. А позднее сам ребенок, соотнося свой жест с соответствующей ситуацией,

²⁰ Выготский 1982: 57.

²¹ Там же: 139—141.

²² Там же: 141.

²³ Чехонадских 2017: 430.

интериоризует его как знак, наделенный конкретным смыслом. Таким образом средства социального поведения превращаются в средства организации психики индивида.

Международная известность приходит к Выготскому в 1960-х годах, когда его труд «Мышление и речь» публикуется сперва на английском, а потом на итальянском и некоторых других европейских языках. В этом исследовании Выготский критикует Жана Пиаже, рассматривающего развитие ребенка как движение от крайней индивидуации к насильственной ассимиляции в социуме. Социальное трактуется Пиаже как внешняя сила, принуждающая индивида, находящегося в состоянии природного аутизма, то есть крайней индивидуации, к сотрудничеству. Анализируя поведение ребенка, в частности феномен эгоцентрической речи, Выготский доказывает, что на самом деле развитие идет в противоположном направлении — от первоначальной социальной к поступательной индивидуализации. Эгоцентрическая речь, согласно Выготскому, есть симптом трансформации *интерпсихического* в *интрапсихическое*: «этот переход является общим законом... для развития всех высших психических функций, которые возникают первоначально как формы деятельности в сотрудничестве и лишь затем переносятся ребенком в сферу своих психологических форм деятельности. Речь для себя возникает путем дифференциации изначально социальной функции речи для других. Не постепенная социализация, вносимая в ребенка извне, но постепенная индивидуализация, возникающая на основе внутренней социальности ребенка, является главным трактом детского развития»²⁴. По Выготскому, речь для других становится речью для себя, когда эгоцентрическая речь превращается во внутренний монолог и тем самым оформляет структуру мышления.

²⁴ Выготский 1999: 299.

Обращаясь в работе «Когда слово становится плотью: язык и природа человека» к концепции Выготского, Вирно видит в ней объяснение того, как из общего недифференцированного «мы» выделяются сингулярные «я». Естественно-исторический (материнский) язык представляет собой доиндивидуальную реальность, он окружает всех и не принадлежит никому, но сама лингвистическая способность всегда соотносится с конкретным живым телом. Вирно подчеркивает перформативный аспект эгоцентрической речи; ее цель заключается в демонстрации самого факта высказывания, ее логический смысл сводится к выражению «я говорю!». Поэтому характерно, что дети разговаривают с собой, но придают значение присутствию других. Произнося нечто, ребенок делает себя видимым для других, но также и для самого себя, воспринимая себя как источник высказываний, — этот процесс отражает онтогенез индивидуального самосознания²⁵.

²⁵ Virno 2015: 68—72.

Только в одном пункте Вирно позволяет себе выразить несогласие с Выготским. Эгоцентрическая речь, пишет он, не растворяется полностью во внутреннем языке. Есть аспект, который не может быть реализован во внутренней речи: «Ошибка Выготского состоит в том, что он игнорирует как бессмысленные те черты инфантильного монолога,

которые не принимаются вербальным мышлением. Он пренебрегает логической ролью голоса (которая гарантирует самореференцию тех, кто произносит слова, значение которых — „я говорю“), как и его ритуальной природой»²⁶. Этот аспект речи проявляется в репликах, произносимых взрослыми наедине с собой или в религиозных монологах, таких как молитва. Необходимость вновь зафиксировать лингвистическую способность возникает в кризисные моменты нашей жизни, и, чтобы облегчить свое состояние, человек воспроизводит определенные этапы собственного онтогенеза.

²⁶ *Ibid.*: 70.

В остальном Вирно придерживается концепции развития психики, сформулированной Выготским, и часто подчеркивает то влияние, которое она на него оказала. Так, в интервью Алексею Пензину он признается: «Я многим обязан мыслям Льва С. Выготского о коллективе, о связи между коллективом и сингулярностью. Его основная идея состоит в том, что социальные отношения предшествуют формированию самосознания „Я“ и обуславливают его. <...> Опыт, будь то восстание, дружба или произведение искусства, всегда измеряется через превращение интерпсихического в интрапсихическое»²⁷.

²⁷ *Penzin 2010*.

Несомненным представляется и влияние на автономистскую традицию Бахтина, особенно если учесть, что Маурицио Лаззаратто, один из корифеев автономизма, посвятил русскому философу не один текст. Однако эта тема на сегодняшний день освещена очень слабо. По сути, она затрагивается только в статье Майкла Гардинера «Бахтин и „всеобщий интеллект“», где отмечается, что «некоторые автономисты, прежде всего Лаззарато, но не только он, испытали прямое влияние центральных элементов бахтинской мысли»²⁸. Сопоставляя социальную онтологию Бахтина и его видение антропогенеза с установками автономистов, Гардинер приходит к выводу, что между ними много общего. Социальное, по Бахтину, не есть нечто целое, в котором индивиды растворены как недифференцированная масса, но вместе с тем это и не совокупность разнородных атомов. Скорее каждый индивид является уникальной сущностью, будучи одновременно и частью общей ткани взаимных отношений.

²⁸ *Gardiner 2017*: 890.

Бахтин разделяет идею индивидуации как движения от общего к единичному. В заметках 1970—1971 гг. он пишет: «Я осознаю себя первоначально через других: от них я получаю слова, формы, тональность для формирования первоначального представления о себе самом. <...> Как тело формируется первоначально в материнском лоне (теле), так и сознание человека пробуждается окутанное чужим сознанием»²⁹. Индивид никогда не завершен и не разрешен. Имея собственные координаты в пространстве и времени, он пребывает в состоянии постоянного обмена с другими, включает их в себя — то, что Бахтин называет «не-Я во мне». Соответственно, в онтологическом смысле одинокого индивида не существует — каждый уже составляет некое множество.

²⁹ *Бахтин 1986*: 361—362.

Очевидно, что построения Бахтина резонируют с рассмотренными выше концепциями индивида и индивидуации, хотя и выражены

³⁰ Casarino and Negri 2008: 2.

³¹ Lazzarato 2009.

в терминах диалога. Особую важность здесь представляет языковая реальность. Язык принадлежит всем и никому — это пространство общего; «общаться — значит быть общим, производить общее»³⁰. В то же время, как отмечает, в частности, Лаззарато, в философии Бахтина речь превосходит язык³¹. Каждый речевой акт активизирует экстралингвистическую, диалогическую реальность, которая имеет аффективное, этико-политическое и социальное измерения. Язык может быть понят как ресурс конституирования общей многоплановой реальности в процессе речи. То же относится и к мысли, которая также не является частным феноменом, а требует множественности. В определенном смысле любая мысль — это мысль «другого», которая не может быть присвоена. В «Проблемах поэтики Достоевского» этот тезис развивается на примере идеи художника, которая не находится «в голове человека», будучи по сути своей интериндивидуальна, и реализуется как событие встречи «между». Монологический же способ ее выражения — лишь условная композиционная форма, навязанная идеологией Нового времени³².

³² Бахтин 2017: 160.

Хотя в теории Бахтина присутствует категория автора, она не подразумевает какого-либо частного присвоения мысли, исключительной власти создающего над собственным созданием. Этот бахтинский тезис емко формулирует Гардинер: «авторство — это всегда соавторство»³³. Размышляя на ту же тему, Лаззарато разворачивает мысль Бахтина. Автор, полагает он, воплощает заключенные в языке общие возможности, поэтому его право на слово в широком смысле ограничено. Кроме того, автор образуется только в процессе диалога, в котором всегда задействован и кто-то другой. Таким образом, заключает он, бахтинская концепция автора «не выполняет функцию онтологической поддержки прав интеллектуальной собственности»³⁴.

³³ Gardiner 2017: 907.

³⁴ Lazzarato s.a.

Резюмируя, можно сказать, что философия диалога Бахтина служит еще одной опорой автономистской концепции индивидуации. Рассуждения русского философа коррелируют с основными пунктами других рассмотренных выше теоретических конструкций, касающимися социальной онтологии индивида, его принципиальной незавершенности и реляционной природы, хотя и выражены в несколько отличной форме.

Заключение

Как показывает проведенное исследование, в попытке обосновать свое видение индивида автономисты привлекают разные интеллектуальные источники. Разумеется, круг этих источников не сводится к воззрениям тех четырех мыслителей, о которых шла речь в настоящей статье, однако анализ их концепций позволяет составить некоторое представление о генезисе современной теории индивидуации. Автономизм объединяет эти концепции в единый массив, извлекая из них ряд принципиальных положений, прежде всего понимание индивида как относительной реальности и незавершенного процесса и взгляд на индивидуацию как на продолжение и уточнение общего (социального или коллективного).

Очевидно, что подобный проект теоретического синтеза обречен на сглаживание углов. Так, Симондон, как уже отмечалось, позиционирует себя в качестве критика Спинозы, обвиняя последнего в сведении всей сложности сущего к единому индивиду — Субстанции. В свою очередь, психология Выготского во многом расходится с учением Симондона — она разделяет онтогенез человека и животного (не говоря уже о живом и неживом), вводит в проблему индивидуации историческое измерение, с чем едва ли согласился бы французский философ, и т.д. Но в перспективе автономизма все эти различия теряют свою значимость, поскольку синтетическая теория индивидуации имеет политическую задачу — разрушить либеральную идею «суверенного индивида», которая легитимирует эксплуатацию родовой сущности человека в рамках современного капитализма.

Вирно и Негри полагают: если в эпоху фордизма производство опиралось на отдельные способности индивида, заглушая остальные, то в постфордистскую эру, когда в структуре труда начинает преобладать сервисный и интеллектуальный труд, налицо тенденция к включению всех способностей индивида в процесс создания прибавочной стоимости. Стремление к коммуникации и кооперации, аффективный и лингвистический потенциал оказываются основами общественно-го производства. Фактически речь идет об эксплуатации доиндивидуального (в терминах Симондона), или «социального бессознательного» (в терминах Выготского), которое является безгранично продуктивным. Делая возможной концептуализацию этих механизмов, описывая реальное соотношение социального и индивидуального в их глубокой взаимосвязи, теория индивидуации помогает приблизиться к пониманию путей освобождения общего из-под власти капитала.

Библиография

- Бахтин М. (1986) *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство.
- Бахтин М. (2017) *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Эксмо.
- Винчигуэрра Л. (2007) «Спинозистский ренессанс во Франции (1950—2000). Введение» // *Логос*, № 2 (59): 6—29. URL: <http://caute.tk/files/slogos.pdf> (проверено 5.11.2020).
- Вирно П. (2015) *Грамматика множества: К анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Выготский Л.С. (1982а) «Методика рефлексологического и психологического исследования» // Выготский Л.С. *Сочинения: В 6 т.* Т. 1. М.: Педагогика: 43—174.
- Выготский Л.С. (1982b) «Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование» // Выготский Л.С. *Сочинения: В 6 т.* Т. 1. М.: Педагогика: 291—436.
- Выготский Л.С. (1999) *Мышление и речь*. М.: Лабиринт.
- Карамова О.В. (2014) «Дискурсы методологического индивидуализма и этического холизма в экономической науке» // *Экономические*

науки, № 3 (100): 34–44. URL: https://ecsn.ru/files/pdf/201303/201303_55.pdf (проверено 5.11.2020).

Майданский А.Д. (2007) «О „деятельной стороне“ учения Спинозы» // *Логос*, № 2 (59): 201–212. URL: <http://caute.tk/files/slogos.pdf> (проверено 5.11.2020).

Морфино В. (2010) «Лейбниц или Спиноза: современная альтернатива» // *История философии*, вып. 15: 183–197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leybnits-ili-spinoza-sovremennaya-alternativa> (проверено 5.11.2020).

Негри А. (2018) «К онтологическому определению множества» // *Свободная мысль*, № 4: 208–217. URL: <http://svom.info/entry/858-k-ontologicheskomu-opredeleniyu-mnozhestva/> (проверено 5.11.2020).

Чехонадских М. (2017) «Коммунистическая драма индивидуации Льва Выготского» // *Stasis*, т. 5, № 2: 418–445. URL: stasisjournal.net/index.php/journal/article/download/17/124/ (проверено 5.11.2020).

Balibar E. (1997) *Spinoza: From Individuality to Transindividuality*. Eburon: Delft.

Casarino C. and A.Negri. (2008) *In Praise of the Common: A Conversation on Philosophy and Politics*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.

Gardiner M. (2017) «Bakhtin and the „General Intellect“» // *Educational Philosophy and Theory*, vol. 49, no. 9: 893–908.

Lazzarato M. (2009) *Mikhail Bakhtin's Theory of the Utterance*. URL: https://www.generation-online.org/p/fp_lazzarato6.htm (accessed on 5.11.2020).

Lazzarato M. *Dialogism and Polyphony*. URL: <http://www.geocities.ws/immateriallabour/lazzarato-dialogism-and-polyphony.html> (accessed on 5.11.2020).

Penzin A. (2010) «The Soviets of the Multitude: On Collectivity and Collective Work: An Interview with Paolo Virno» // *Mediations*, vol. 25, no. 1: 81–92. URL: www.mediationsjournal.org/articles/the-soviets-of-the-multitude (accessed on 5.11.2020).

Read J. (2015) *The Politics of Transindividuality*. Leiden: Brill.

Simondon G. (2005) *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Millon.

Simondon G. (2007) *L'individuation psychique et collective: à la lumière des notions de forme, information, potentiel et métastabilité*. Paris: Aubier.

Virno P. (2015) *When the Word Becomes Flesh: Language and Human Nature*. South Pasadena (CA): Semiotext(e).

Wolfe Ch. (2010) «From Spinoza to the Socialist Cortex: Steps toward the Social Brain» // Hauptmann D. and W.Neidich, eds. *Cognitive Architecture: From Biopolitics to Noopolitics. Architecture & Mind in the Age of Communication and Information*. Rotterdam: 010 Publishers: 184–206.

πολιτικά

N.N.Tinus

PROCESS AND RELATION: ORIGINS OF THE AUTONOMIST THEORY OF INDIVIDUATION

Nikita N. Tinus — Ph.D. Candidate at the Institute of Social Sciences and Mass Communications of the Belgorod State National Research University. Email: tiinusnn@gmail.com.

Abstract. Any political theory is built on the foundation of a certain ontology, an integral part of which is the problem of an individual. For a long time, the ontological primacy in the European thought was attached to the concept of an individual that was understood as a complete and self-sufficient unit. However, today one can talk about the growing popularity of the approach that views an individual as a relative reality in a state of continuous formation i.e., the process of individuation. This approach is developed by the Italian intellectuals, whose general ideological view is known as autonomism (P.Virno, M.Lazzarato, A.Negri etc.). The article examines the origins of the theory of individuation and its political implications within the autonomist thought.

The first part of the article examines the ways of representing an individual in the ontologies of B.Spinoza and G.Simondon. The author demonstrates that the procedural and relational understanding of an individual proposed by these philosophers contributes to bridging the gap between the collective and the individual not only in politics, but also in thinking. An individual is a consequence of the concretization of the general and retains a connection with it.

The second part analyzes the psychological and linguistic aspects of individuation, elaborated in L.Vygotsky's psychology and M.Bakhtin's philosophy of dialogue. Individuation is interpreted as a movement from the social to the individual, carried out with the help of various tools, primarily by the means of the language. The author evaluates the reception of these thinkers' ideas in the context of autonomism.

The author concludes that the autonomist concept of individuation is a synthetic theory that brings together the general aspects of the considered above schools of thought into a single perspective. In fact, the concept is a large-scale revision of the ontological and anthropological foundations of thinking about politics. Its goal is to destroy the idea of a "sovereign individual", which was born within the liberal tradition, and, as a consequence, to liberate the sphere of the collective from the control of capital.

Keywords: individuation, individual, autonomism, political philosophy, Gilbert Simondon, Lev Vygotsky, Paolo Virno

References

- Bakhtin M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
- Bakhtin M. (2017) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [The Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Balibar E. (1997) *Spinoza: From Individuality to Transindividuality*. Eburon: Delft.
- Casarino C. and A. Negri. (2008) *In Praise of the Common: A Conversation on Philosophy and Politics*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.
- Chekhonadskih M. (2017) “Kommunisticheskaja drama individuatsii L'va Vygotskogo” [The Communist Drama of Individuation in Lev Vygotsky] // *Stasis*, vol. 5, no. 2: 418–445. URL: stasisjournal.net/index.php/journal/article/download/17/124/ (accessed on 5.11.2020). (In Russ.)
- Gardiner M. (2017) “Bakhtin and the „General Intellect“” // *Educational Philosophy and Theory*, vol. 49, no. 9: 893–908.
- Karamova O.V. (2014) “Diskursy metodologicheskogo individualizma i eticheskogo kholizma v ekonomicheskoi nauke” [Discourses of Methodological Individualism and Ethical Holism in Economics] // *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], no. 3 (100): 34–44. URL: https://ecsn.ru/files/pdf/201303/201303_55.pdf (accessed on 5.11.2020). (In Russ.)
- Lazzarato M. (2009) *Mikhail Bakhtin's Theory of the Utterance*. URL: https://www.generation-online.org/p/fp_lazzarato6.htm (accessed on 5.11.2020).
- Lazzarato M. *Dialogism and Polyphony*. URL: <http://www.geocities.ws/immateriallabour/lazzarato-dialogism-and-polyphony.html> (accessed on 5.11.2020).
- Maidansky A.D. (2007) “O „dejatel'noj storone“ uchenija Spinozy” [On the “Active Side” of Spinoza's Teaching] // *Logos*, no. 2 (59): 201–212. URL: <http://caute.tk/files/slogos.pdf> (accessed on 5.11.2020). (In Russ.)
- Morfino V. (2010) “Lejbnits ili Spinoza: sovremennaja al'ternativa” [Leibniz or Spinoza: a Contemporary Alternative] // *Istorija filosofii* [History of Philosophy], issue 15: 183–197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lejbnits-ili-spinoza-sovremennaya-alternativa> (accessed on 5.11.2020). (In Russ.)
- Negri A. (2018) “K ontologicheskomu opredeleniju mnozhestva” [Pour une définition ontologique de la multitude] // *Svobodnaja mysl'* [Free Thought], no. 4: 208–217. URL: <http://svom.info/entry/858-k-ontologicheskomu-opredeleniyu-mnozhestva/> (accessed on 5.11.2020). (In Russ.)
- Penzin A. (2010) “The Soviets of the Multitude: On Collectivity and Collective Work: An Interview with Paolo Virno” // *Mediations*, vol. 25, no. 1: 81–92. URL: www.mediationsjournal.org/articles/the-soviets-of-the-multitude (accessed on 5.11.2020).
- Read J. (2015) *The Politics of Transindividuality*. Leiden: Brill.
- Simondon G. (2005) *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Millon.
- Simondon G. (2007) *L'individuation psychique et collective: à la lumière des notions de forme, information, potentiel et métastabilité*. Paris: Aubier.

Vinciguerra L. (2007) “Spinozistskij renessans vo Frantsii (1950—2000). Vvedenie” [Renaissance du spinozisme français: 1950—2000] // *Logos*, no. 2 (59): 6—29. URL: <http://caute.tk/files/slogos.pdf> (accessed on 5.11.2020). (In Russ.)

Virno P. (2015) *Grammatika mnozhestva: K analizu form sovremennoj zhizni* [Grammatica della moltitudine: Per un’analisi delle forme di vita contemporanee]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Virno P. (2015) *When the Word Becomes Flesh: Language and Human Nature*. South Pasadena (CA): Semiotext(e).

Vygotsky L.S. (1982a) “Metodika refleksologicheskogo i psikhologicheskogo issledovanija” [Reflexological and Psychological Research Technique] // Vygotsky L.S. *Sochinenija: V 6 t.* [Works: In 6 vol.]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika: 43—174. (In Russ.)

Vygotsky L.S. (1982b) “Istoricheskij smysl psikhologicheskogo krizisa: Metodologicheskoe issledovanie” [The Historical Meaning of the Psychological Crisis: Methodological Research] // Vygotsky L.S. *Sochinenija: V 6 t.* [Works: In 6 vol.]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika: 291—436. (In Russ.)

Vygotsky L.S. (1999) *Myshlenie i rech’* [Thinking and Speech]. Moscow: Labirint. (In Russ.)

Wolfe Ch. (2010) “From Spinoza to the Socialist Cortex: Steps toward the Social Brain” // Hauptmann D. and W. Neidich, eds. *Cognitive Architecture: From Biopolitics to Noopolitics. Architecture & Mind in the Age of Communication and Information*. Rotterdam: 010 Publishers: 184—206.